

странника, может получить объяснение, очевидно, то обстоятельство, что он становится не только объектом почитания насельниц монастыря — некоей «еретической», как она недвусмысленно охарактеризована в «Кубке метелей», «киновии» [3, с. 389], но и собирателем, фактически создателем новой апокалипсической церкви и ее должжданным иереем и первосвященником (в таком амплуа он предстает и во «Второй метельной сктении», и когда как «неизвестный священнослужитель» собирает толпы молящихся в главке «В монастыре» второй части)⁴.

Стоит заметить попутно, что акцент на «еретичности» этой истинной, по Белому, церкви, модифицирующий соловьевские представления (в частности, о воцерковлении человечества как необходимой стадии Богочеловеческого процесса), которые составляют подоплеку переноса действия в четвертой части «Кубка метелей» в монастырь, как и противопоставление официальной воинствующей церковности (воплощенной в образах епископа — двойника демонического Светозарова и сопровождающей его «толпы хмурых монахов, искони враждовавших с обителью» [3, с. 412]) самочинной, основанной на непосредственных озарениях и наитиях действительной святости, демонстрируют тот достаточно определенный шаг, который Белый делает от Вл. Соловьева именно в сторону Шмидт и особенно Мережковских с их реформаторско-неохристианской программой и пафосом критики исторической и официальной церкви. (Свое положительное отношение к этой критике Белый, как известно, не раз манифестировал в 1905—1908 гг. См., например, его рецензию на первую трилогию или сборник статей Мережковского «Не мир, но меч» [11, с. 415—429, 436].)

Странник же выступает творцом новых по содержанию и обставленным нетривиальными аксессуарами обрядов, «неведомой» (курсив здесь и далее наш. — А. Б.) молитвы» [3, с. 296]. И он же (что, очевидно, ближайшим образом восходит именно к его роли медиатора, транслирующего Третий Завет) сообщает — либо непосредственно, либо вплетая их в свои литургические обращения к высшим силам — и некоторые сведения об изменившемся состоянии сакрального космоса: о том, что религиозный центр мира — Солнце-Господь (Христос) зримо обнаруживается в виде снежного лебедя [3, с. 296]; о грядущем Христе — «земном женихе» — «жнеце нивном» ([3, с. 338]; о свивающихся «как свиток» временах он говорит в финале [3, с. 441]); о «пустых могилах» (вначале Адаму Петровичу в эпизоде сна, а затем Светловой в монастыре [3, с. 330, 337]), намекая на уже начавшееся, идущее воскрешение. Правда, большинство открытий такого рода передовано в «Кубке метелей» другим персонажам, и в особенности автору-повествователю, которому часто принадлежит приоритет в их высказывании. Так, лейтмотив, напоминающий о том, что «все... воскреснем» и «увидимся там», впервые приурочен к изображению ветра ([3, с. 303, 306]; странник возглашает о том же лишь позднее [3, с. 336]), а о том, что «Синева господня победила время», сперва сообщает голос «с самой великой облачной башни» [3, с. 381] (странник дублирует эту реплику лишь в конце четвертой части [3, с. 407]). «Предполагаемому автору», бесспорно, отведена основная роль в апокалипсическом благовествовании (именно от его лица много раз возглашается — и в начале симфонии, и далее — о подступающем конце времен: «Вот-вот... переходит... мир», «мир смерть забудет», «надвинется... бессрочное» [3, с. 261, 305] и т. д. и т. п.) и в установлении сакрального статуса нетрадиционных объектов почитания («Вьюге помолимся», «Ниве помолимся» [3, с. 281, 319]), равно как и в указании на пантеистические модусы выявления Божественных ипостасей («В тебе, Господи, снег...», «Ты, Господи, — снегом, снегом ты проходишь...», вьюга — «глас божий», «невеста-метель» [3, с. 282, 294, 295], и др.). С этой точки зрения автор-повествователь сохраняет в «Кубке метелей»

⁴ Эта мотивика не может быть непосредственно возведена, например, к представлениям Вл. Соловьева о том, что человек должен «быть священником Бога, царем низшего мира и пророком их безусловного единения» [15, с. 369], поскольку странник «Кубка метелей» — персонаж «небесного» ряда, противопоставленный всякой обыденной и «посюсторонней» прагматике.